

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

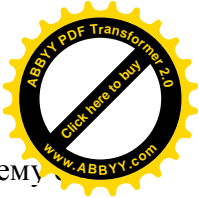
Кыргызский этнос в силу его многовековой приверженности к кочевому образу жизни продолжает сохранять и в настоящее время многие компоненты традиционализма, проявляющиеся главным образом в определенных поведенческих стереотипах, ценностных оценках, привычках вести себя тем или иным образом, приверженности к клановым интересам и т.д.

На протяжении многих веков кыргызское традиционное общество, представленное хозяйственно и политически автономными родами и племенами, было замкнуто не только пространственно, будучи ограниченным территорией, занимаемой общиной, но и во временном отношении. Время в сознании индивида, в силу чрезвычайной медленности эволюции общины, представлялось не линейным, а циклическим и статичным, когда вся совокупность событий представала в одном временном срезе. История, которая не фиксировалась письменно, а передавалась из поколения в поколение устными средствами, будучи подвергнутой интерпретации того лица, который излагал, рассказывал ее, во многих отношениях приобретала черты настоящего, непосредственно переживаемого и осознаваемого. Наличие лишь одного средства коммуникации и передачи коллективного опыта и знаний, которым являлась устная речь, приводило к тому, что личная опытность, знания и умудренность могли прийти к индивиду только со временем, и он не мог сознательно форсировать ни события, ни процесс обретения знаний и опыта. Поэтому продолжительность жизни становилась одним из главных условий накопления и осмысления опыта и социально значимой информации и, как следствие, оказывала существенное влияние на престиж и статус индивида, которые в свою очередь способствовали тому, что социум делегировал ему часть властных полномочий и функций. Как справедливо указывает один из авторитетных исследователей патриархального кыргызского общества К.Б. Аманалиев: «Во все времена психологическая адаптация личности выступает как единство аккомодации (усвоения правил среды, “уподобления ей”) и ассимиляции (“уподобления себе”). Процесс адаптации личности в форме ассимиляции в условиях кыргызского общества осуществляется во многом через функции аксакализма»¹. Однако в силу того, что кыргызские рода и племена в значительной мере представляли собой милитаризованные общества. О чем свидетельствует, в частности, большинство кыргызских героических эпосов, а также по той причине, что уровень дифференциации внутри родов и племен по социально-имущественному признаку был достаточно высок. Кыргызское традиционное общество никогда не содержало в себе признаков геронтократии. Т.е. такой формы общественного устройства, при которой власть принадлежала старейшинам.

Несомненно, авторитет человека внутри рода в определенной мере зависел от количества прожитых им лет. Однако в гораздо большей степени его влияние определялась тем, какое место он занимал во властно-управленческой иерархии. Когда же речь шла о межродовых отношениях, его авторитет зависел от того, к какому роду он принадлежал. Род, практически всегда находившийся в конкурентных отношениях с другими родами, в таких случаях выступал в качестве коллективного индивида, и статус, тот или иной авторитет рода неизбежно распространялся на всех его членов. Поэтому любой член кочевой общины воспринимался в первую очередь как представитель рода,

---

¹ Аманалиев К.Б. Социально-философский анализ патернализма: Диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. – Бишкек, 1996. – С. 54.

принадлежность к которому определяла его статус, а также реальное отношение к нему стороны представителей других родов. Более того, значение рода в жизни каждого индивида было настолько высоко, первоначально, что родовая идентичность выступала в качестве основной и, как отмечал Н.И. Гродеков еще в конце XIX века, «расспрос о роде являлся чем-то вроде удостоверения личности»².

Почтение к старшим объяснялось в первую очередь характером отношений между родителями и детьми внутри семьи, когда большой возраст неизбежно вызывал у людей большее уважение. Уважительное отношение последовательно и настойчиво культивировалось в традиционном обществе. Однако в действительности авторитет преклонного возраста был безусловным лишь в глазах подрастающих поколений на этапе их первичной социализации, в качестве педагогической основы. Однако позднее, уже во взрослой жизни данный авторитет, перестав быть безусловным, ограничивался рамками реальной ситуации – практического дееспособного участия пожилых людей в руководстве жизнью рода³.

Патерналистская сила и предназначение института аксакализма состояла в первую очередь в способности пожилых, умудренных опытом и годами людей направить, не прибегая к насильственным и принудительным мерам, поступки людей в сторону позитивной деятельности или поведения. Необходимость существования и функционирования аксакализма в определенной мере была обусловлена естественными ограниченными возможностями отдельных индивидов, не обладающих необходимым жизненным опытом и твердыми принципами и вследствие этого не способных рационально оценивать некоторые возникающие перед ними жизненные проблемы и находить разумное их решение.

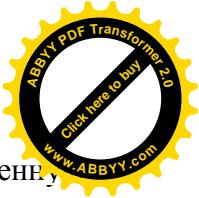
Патернализм аксакалов в традиционном кыргызском обществе был основан как на особых механизмах регуляции поведения людей, так и на целостных ориентирах, выработанных на основе большого опыта и призванных направить деятельность индивидов в позитивное русло как в обыденной жизни, так и в критические моменты. Аксакализм, таким образом, не был формой социального контроля, наделенной какими-либо реальными властными функциями и полномочиями. Его функции, какими бы важными они не были сами по себе, выстраивались на рекомендательной основе, т.е. по сути не носили характер обязательности. Аксакилизм представлял собой своего рода основу, на которой происходила постоянная актуализация, «оживление» прошлого и внедрение его в настоящее. Своеобразная педагогическая и нравственно-этическая деятельность пожилых людей в целом не сводилась к созданию новых ценностей и символов, а главным образом сохранению старых в качестве интегрирующей основы для всех последующих. Способность и потребность социума в постоянном воспроизводстве старых ценностей и отношений в качестве базовых, исходных удовлетворились за счет аксакализма. Способность и потребность в производстве новых отношений и ценностей, более адекватных постоянно меняющейся действительности, требовали независимости социальной среды от сугубо консервативных начал и отношений, адептами которых выступали, как правило, пожилые люди.

Снижению роли аксакализма в традиционном кыргызском обществе в значительной мере способствовал милитаристский характер если не всех, то во всяком случае большинства кыргызских родов и племен. Постоянные конфликты с соседними родами и племенами либо народами, принимавшие часто военный характер, приводили к тому, что каждый мужчина, способный к военному делу, приобретал особую ценность, ибо непосредственно от него зависели благополучие и сама жизнь рода. В таких условиях

---

² Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. – Т. 1. – Ташкент, 1889. – С. 27.

³ См.: Савин И. О категориях группового сознания у кочевников // Вестник Евразии. – 1999. – №№ 1–2 (6–7). – С. 85–86.

стала вызревать своеобразная форма народовластия, опирающаяся на военную демократию. Как указывает Э.Ш. Базарбаев: «Фольклорные материалы, в частности эпос «Манас», позволяют предположить, что сложившимся феодальным отношениям у кыргызов предшествовал своеобразный военно-демократический строй. Племенная структура общества тесно переплеталась в то время с развитой военной организацией»⁴. Этому же, т.е. военно-демократической организации кыргызского традиционного общества, способствовала высокая степень хозяйственной и политической автономии разрозненных и рассредоточенных на огромных пространствах родов и племен. А также их малочисленность, вынуждавшая кыргызов постоянно искать союзов с другими родами и племенами, в том числе некыргызскими. Следует отметить в данной связи, что малочисленность кыргызов при их родоплеменной разобщенности, длившейся в течение многих веков, привела в конце концов к тому, что у кыргызов выработалась компромиссная политическая ментальность. Что же касается военной демократии, то в эпосе «Манас», как, впрочем, и других кыргызских героических эпосах, можно встретить множество примеров, подтверждающих приверженность кыргызов к определенным демократическим формам.

Как пишет В.М. Массон: «В среде кочевых номадов инновации проявились, прежде всего, в формировании феномена верховного лидерства, правда, с чертами, отличающимися исключительной яркостью и выразительностью», стабильность же «при раздробленности власти в раннекочевнических обществах могла быть весьма значительной, если бы в отдельных случаях не возникала мощная фигура самого верховного объединителя»⁵.

Таким образом, частые военные конфликты наряду с постоянной их угрозой и вовлеченностью подавляющего большинства мужчин в военное дело с необходимостью привели к тому, что организационные формы кыргызских родов стали носить военный характер. При этом в них одновременно, но в разных пропорциях присутствовали демократические элементы и – вполне в духе военного времени – элементы жесткой централизованной власти. Роды и племена возглавлялись родовой аристократией, способной к военному делу и, соответственно, имевшей в своем распоряжении военных лиц. Как указывают Б.И. Борубашов и З.И. Галиева: «Войско строилось по родовому принципу, когда каждый род имел свой вооруженный отряд. Кыргызские беги также имели свои боевые отряды. Все вместе они составляли вооруженные силы кыргызов. Следовательно, о кыргызском войске можно судить как об ополчении, сформировавшемся из мужского населения, возглавляемых бегами родов и племен»⁶. Российский исследователь Ю.С. Худяков первым обратил внимание на то обстоятельство, что эволюция структуры военной организации у кыргызов имела те же этапы, что и развитие вооружения. Чем подтверждается, как считает Ю.С. Худяков, единство закономерностей процесса развития военного дела⁷. Даже в начале XX века крупные маналы имели в своем распоряжении «кырк джигитов», «атка минерлер». И совершали барымту – налеты и грабеж соседних кыргызских родов и племен и других народов⁸. К этому времени от родоплеменных отношений сохранялись такие понятия, как «уран» (боевой клич родов), «намыс» (честь родов).

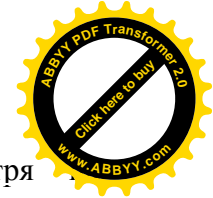
⁴ Базарбаев Э. Ш. Правовое сознание кыргызов. – Ош, 2002. – С. 59–60.

⁵ Массон В.М. Политогенез степных обществ и кочевые империи // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 109.

⁶ Борубашов Б.И., Галиева. З.И. История государства и права Кыргызской Республики. – Бишкек, 2004. – С. 43.

⁷ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских киргизов VI–XII вв. – С. 143.

⁸ См.: Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. – Фрунзе, 1963. – С. 41.

Военная демократия в традиционном кыргызском обществе, несмотря на значительные ее несходства с развитой гражданской демократией, тем не менее, предполагало определенное равенство между членами сообщества, и в первую очередь для представителей военного сословия, к которому потенциально относились все мужчины, способные владеть оружием. Для данного сословия был свойственен дух вольности, свободолюбия, проявлявшийся в военном братстве, благородстве и великодушии. Неслучайно поэтому, что одним из эпитетов, характеризующих Манаса, был эпитет «великодушный». Данный дух проявлялся также в отсутствии раболепия, в том числе перед властителями, и в относительном равенстве мужчин и женщин, о чем ярко свидетельствует, в частности, эпос «Жаныл-мырза». Однако отсутствие раболепия перед представителями власти в своих крайних формах могло проявляться и в виде неуважения к власти или к представителям власти. Вольный дух и образ жизни кочевников, несомненно, оказывали определенное влияние на институционализацию структуры политико-управленческой системы традиционного кыргызского общества.

Как известно, кыргызские роды и племена, периодически объединялись и создавали государство, которое, однако, просуществовав сравнительно недолгое время, прекращало свое функционирование. В.М. Массон в связи с типологическими чертами кыргызской кочевой государственности пишет следующее: «Ранняя кыргызская государственность, ярко проявившаяся в период IX–X веков, названный В. В. Бартольд эпохой кыргызского великодержавия, по своим параметрам во многом аналогична структурам, нашедшим воплощение в кочевых империях». Ярко здесь проявилась и такая особенность исторического процесса, как пульсирующая ритмичность, являющаяся реальной антитезой эволюционистским воззрениям, особенно четко выраженным в формационном эволюционизме. И в культурогенезе, и в этногенезе, и в политогенезе налицо смена периодов консолидации порой упадка, стагнации и даже деградации. Это является реальным отражением сложного характера исторического процесса со всеми трудностями и препятствиями, которые приходилось преодолевать отдельным народам. Совершенно ясно, что время IX–X веков можно считать важной вехой в процессах консолидации кыргызского народа. За этим последовали века рассредоточенности. Второй цикл консолидации начинается на Тянь-Шане в XV–XVI веках. В полной мере это касается и процессов политогенеза. Политическая мозаичность позднесредневекового Кыргызстана с многочисленными локальными подразделениями, возглавляемыми биями, рисует начало нового пути политической консолидации и централизации»⁹.

Кочевое скотоводство, которым веками занималась основная масса кыргызов, позволяла им выживать и обеспечивать свое материальное благополучие вне государственных форм жизни, что, несомненно, придавало государству, если оно возникало, незначительную устойчивость. Кризис, крушение и исчезновение государств кыргызов не приводили ни к их исчезновению, ни даже к катастрофическим последствиям. Как только государства, возникавшие на базе союзов кочевых племен, прекращали свое существование, роды и племена возвращались к исходному состоянию и продолжали вести привычный образ жизни. Государства кыргызов, возникавшие под давлением внешних обстоятельств, а не в силу внутренней потребности в них, существовали настолько непродолжительное время, что не успевали внедриться в массовое кыргызское сознание и стать существенной частью кыргызской ментальности.

---

⁹ Массон В.М. Политогенез степных обществ и кочевые империи. – С. 111–112.